

МЕРТВЫЕ ЛЮБЯТ ТИШИНУ

МАРИНА КОМАРОВА

Марина Комарова

Мертвые любят тишину

«Автор»

2026

Комарова М.

Мертвые любят тишину / М. Комарова — «Автор», 2026

Аннотация: Ким Джувон видит духов, но не может прочесть будущее. Ли Ёнчжу лечит чужие раны, но его собственная душа истекает тьмой. Чо Геджин изгоняет демонов, но не может изгнать прошлое. В городе находят женщин с защитными ртами, а Черный отец готовит к бою мертвецов. Красные нити опутывают город, и погребальные песни саньсенсоры заглушают стук собственного сердца. Им придется научиться невозможному: превратить проклятие в силу, а страх в броню. И тишина станет громче слов.

© Комарова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Зашитые рты. Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мертвые любят тишину

Часть I. Защищенные рты. Глава 1

Ли Енчжу всегда мог определить, когда пациент лжет.

Столько лет психиатрической практики научили его читать микровыражения лица, замечать, как сжимаются пальцы, когда человек говорит неправду, и улавливать едва заметное изменение тона голоса. Ложь будто имела свой особый запах. Не в прямом смысле, конечно, но Енчжу всегда чувствовал ее присутствие, как опытный сомелье различает нужные нотки в вине.

Но правда... правда иногда была хуже любой лжи.

Сейчас, сидя в своем кабинете на четвертом этаже психиатрического отделения больницы и глядя в окно на серое июньское утро, он думал именно об этом. О правде, которую люди прячут так глубоко, что сами перестают ее видеть.

На часах было семь утра. Енчжу пришел рано. Привычка, выработанная еще в годы ординатуры. Ранние утренние часы были самыми продуктивными: тишина и никаких звонков. Можно спокойно разобрать бумаги, подготовиться к приему, выпить нормальный кофе из кофейни неподалеку, а не бурду из автомата.

Ребра все еще ныли. Прошло три недели после той истории с Емгоми, но заживало медленно. Врачи говорили, что еще месяц минимум нужно избегать резких движений и никаких физических нагрузок.

Енчжу усмехнулся, потирая бок. Интересно, что бы сказали врачи, если бы узнали, что сломанное ребро — это результат удара паучьей лапы демона?

Пожалуй, это прозвучало бы как «пациент страдает бредовым расстройством, рекомендована госпитализация».

Внезапно пришло сообщение от Джувона в общем чате команды:

«Доброе утро! Кто-нибудь еще думает о том фестивале? Было так хорошо, надо бы повторить!»

Енчжу улыбнулся, вспоминая Каннын Дано. Он действительно был приятным перерывом. Они делали лотосовые фонарики (Пек-Пек гонял их по квартире Геджина, требуя идеального результата), ели уличную еду и смеялись. Обычные человеческие радости. Никаких демонов и никаких битв. Просто четверо друзей на празднике.

В следующую минуту пришло новое сообщение.

Чжонгу: Согласен. Мне понравилось на качелях. Давно так не веселился

Геджин: В августе фестиваль фонарей на реке Чхончхон. Можем съездить.

Джувон: Договорились! Запишу в календарь.

Енчжу: Буду. Если не будет срочных дел со злыми духами.

Джувон прислал смеющийся эмодзи.

Енчжу улыбнулся, отодвинул телефон и потянулся за кофе. Приятно было иметь что-то обыденное нормальное в жизни, наполненной сверхъестественными происшествиями. Фестивали, еда и смех. Моменты, когда можно забыть, что ты охотник на демонов и просто быть человеком.

В дверь постучали.

— Доктор Ли? — заглянула молодая женщина лет двадцати пяти с короткой стрижкой и вечно озабоченным выражением лица. Медсестра Ким Сонми, не так давно пришла сюда работать. — Простите, что беспокою так рано, но у нас экстренный случай.

Енчжу отставил чашку с кофе:

— Что случилось?

— Новая пациентка. Ее привезли ночью, где-то около трех часов. Нашли на улице в районе Итхэвона в состоянии острого психоза. Полиция доставила в приемное, а оттуда уже к нам. Доктор Пак дежурил ночью и дал седативное, но она не спит. Просто сидит и... молчит. Вообще, понимаете? Не отвечает на вопросы, не реагирует на обращения. Но при этом в сознании, глаза открыты.

— Кататонический ступор? — предположил Енчжу, вставая из кресла.

Боль в ребрах тут же напомнила о себе, он поморщился.

— Доктор Пак так и подумал сначала. Но пациентка реагирует на прикосновения, отстраняется и прикрывает лицо руками. Просто ничего не говорит. И еще... — замялась Сонми. — Вам лучше самому увидеть.

Енчжу взял планшет с электронными картами, набросил белый халат на рубашку и сказал:

— Веди.

Они прошли по длинному коридору психиатрического отделения. Стены были окрашены в успокаивающий бежевый цвет, из динамиков играла тихая классическая музыка. Считалось, что Моцарт снижает уровень тревожности. На этом этаже располагались палаты для пациентов с острыми состояниями, требующими постоянного наблюдения.

Сонми остановилась у нужной палаты:

— Вот здесь. Мы поместили ее в одноместную для безопасности. Пока не ясно, опасна ли она для себя или окружающих.

Енчжу заглянул в небольшое окошко в двери.

На кровати, прижавшись спиной к стене, сидела молодая девушка. По виду не старше Сонми. Длинные черные волосы растрепаны, больничная пижама помята. Руки упирались в колени, голова была опущена.

Он заметил, что ее ладони закрывали рот. Прямо плотно прижаты.

— Она так сидит с самого прибытия? — спросил Енчжу.

— Да, доктор Ли. Шесть часов. Не опускает руки ни на секунду. Мы пытались дать ей воду — отказалась. От еды — тоже. Доктор Пак хотел осмотреть ее рот, проверить, нет ли травм, но девушка впала в истерику. Пришлось отступить.

Енчжу открыл электронную карту на планшете.

Личные данные:

Хан Мира, 24 года, не замужем, работает копирайтером в рекламном агентстве.

Адрес в Мапхо-гу.

В графе «экстренный контакт» была мать по имени Хан Чжонхи.

Медицинская информация минимальна: доставлена полицией после звонка прохожего, который нашел ее сидящей на тротуаре возле станции метро Итхэвон в дезориентированном состоянии. Одежда порвана, ссадины на коленях и локтях, следы крови на руках (кровь девушке не принадлежала). Отказывалась говорить с полицией. При осмотре в приемном покое обнаружены ссадины, царапины, гематомы на запястьях и синяки на шее.

Енчжу нахмурился. Такие травмы говорили о насилии. Запястья — это следы от веревок или наручников. Шея — попытка удушения.

— Связывались с матерью? — спросил он.

— Да, — ответила Сонми. — Она в пути, будет через час. Сказала, что Мира пропала три дня назад. Подавали заявление в полицию и искали.

— Хорошо. Я поговорю с пациенткой.

— Доктор Ли, вы уверены? Она может быть...

— Опасной? — покачал Енчжу головой. — Посмотри на ее позу. Это не агрессия. Это больше похоже на защиту. Она просто боится. Я работал с жертвами насилия т, Сонми. Я знаю, как с ними разговаривать.

Сонми поколебалась, но кивнула:

— Я буду рядом. Если что — зовите.

— Обязательно, — сухо ответил Енчжу.

После чего вошел в палату, тихо прикрыв за собой дверь.

Девушка дернулась и сильнее прижалась к стене. Светло-карие глаза расширились. Заметно было, что они сильно покрасневшие от слез и недосыпа, полные страха.

Енчжу не подошел ближе. Остановился у двери, на безопасном расстоянии метра три. Опустился на стул у стены, чтобы не нависать над девушкой и не вызывать плохих ассоциаций.

— Здравствуйте, Хан-сси, — произнес он спокойным голосом. — Меня зовут Ли Енчжу. Я психиатр. Вы в полной безопасности. Здесь больница, вам никто не причинит вреда.

Девушка смотрела на него, не отнимая рук ото рта. Дыхание учащенное, грудь вздымается.

— Я не буду приближаться без вашего разрешения, — продолжил Енчжу. — И не буду прикасаться к вам. Не буду задавать вопросы, на которые вы не хотите отвечать. Просто посижу здесь, если не возражаете. Можно?

Долгая пауза. Но потом девушка медленно... едва заметно кивнула.

— Спасибо, — сказал Енчжу и откинулся на спинку стула, принимая расслабленную позу, таким образом демонстрируя отсутствие угрозы. — Я понимаю, что сейчас вам страшно. Вы не знаете, где находитесь, кто я и что будет дальше. Это нормально. Когда с нами происходит что-то травмирующее, мозг переходит в режим защиты. Все вокруг кажется опасным.

Дыхание Миры чуть замедлилось. Она слушала, что он говорит.

— Но я заверяю вас, что здесь безопасно, — продолжил Енчжу. — Вы в психиатрическом отделении больницы «Святой Марии». Это хорошее место. Мы помогаем людям, которые пережили тяжелые события. Вашу мать уже вызвали, она скоро приедет.

При упоминании матери что-то дрогнуло в глазах Миры. По щекам потекли слезы.

— Хотите увидеть маму? — мягко спросил Енчжу.

Кивок. Более уверенный, чем раньше.

— Хорошо. Она будет здесь примерно через час. А пока... может, выпьете воды? Вам предлагали, но слышал, что вы отказались. Однако обезвоживание очень опасно. Не обязательно пить много — просто сделайте несколько глотков.

Енчжу медленно поднялся, дошел до тумбочки, где стояли кувшин с водой и стакан. Налил и поставил стакан на пол посередине между ними. После чего вернулся на прежнее место.

— Вот. Когда будете готовы.

Мира смотрела на стакан. Потом на Енчжу. И снова на стакан. Медленно опустила одну руку. Только одну, а вторая все еще закрывала рот. Потянулась и взяла стакан. Поднесла к губам, но пить не стала. Замерла.

Енчжу понял проблему.

— Хан-сси, — тихо позвал он. — Вам не обязательно опускать руку полностью. Можете пить прямо так, одной рукой. Никто не заставит вас показывать рот, пока вы сами не будете готовы.

Девушка изучающе посмотрела на него. Оценивающе. Сделала глубокий выдох и медленно отодвинула пальцы второй руки. Ровно настолько, чтобы просунуть край стакана. Сделала несколько глотков и поставила стакан обратно на пол.

Ее рука немедленно вернулась ко рту.

— Спасибо, — сказал Енчжу. — Это уже прогресс. Очень хорошо. — Он достал из кармана халата небольшой блокнот и ручку и подал ей: — Хан-сси, я понимаю, что вы не хотите говорить. Это нормально. Но, может, согласитесь так? Если да, это очень поможет. Мне нужно знать, как вам помочь. Само собой, только если вы сами хотите. Никакого давления.

Мира смотрела на блокнот долго, явно колеблясь. Потом медленно протянула ту руку, что не закрывала рот, и взяла блокнот и ручку.

Неуверенно взяла и положила блокнот на колени. Енчжу, затаив дыхание, смотрел на девушку, которая все же начала писать. Очень медленно, но...

Когда она закончила, то вернула ему блокнот.

«Он сказал, что я слишком много говорю. Что женщины должны молчать. Мой рот — источник всех проблем».

Енчжу почувствовал, как холодеет все внутри. Классическая фраза абьюзера. Он слышал вариации этого сотни раз за годы практики.

— Кто это сказал? — мягко спросил он. — Кто-то, кого вы знаете?

Мира кивнула.

— Парень? Муж?

Она отрицательно покачала головой.

— Незнакомец?

Пауза. Потом снова кивок.

— Он причинил вам боль?

Кивок. Сильнее. Слезы опять потекли по щекам.

— Хан-сси. — Енчжу наклонился вперед, но не приблизился. — То, что с вами произошло — не ваша вина. Совсем. Вы ничего плохого не сделали. Говорить — это не преступление. Женщины имеют право говорить. Все люди имеют право говорить. Тот человек был не прав. Абсолютно не прав.

Девушка всхлипнула и сжалась.

Енчжу протянул ей блокнот обратно и попросил:

— Можете написать, что он сделал? Понимаю, это тяжело. Но мне нужно знать, чтобы помочь. И возможно, чтобы предотвратить такое с кем-то еще.

Мира взяла блокнот. На этот раз она писала дольше. Рука дрожала сильнее. Даже несколько раз останавливалась, чтобы вытереть слезы.

Но все же справилась.

Когда Енчжу прочитал, то к горлу подкатила тошнота.

«Он сильно пах рыбой. Привез меня в подвал. Связал, бил, говорил, что я слишком громкая. Что меня нужно научить молчать. Достал иглу и красную нить. Сказал, что зашьет мне рот, как делали в старые времена с болтливыми женами.»

Я кричала, но он начал шить. Шил и шил. Говорил, что теперь я буду красивой. Молчаливой и красивой.

После он остановился, странно смотрел на меня и сказал, что я не та и не готова умереть. Сам же разрезал нити и вытолкнул на улицу. Я бежала, не помню, как добралась до метро. Потом все стало черным».

Енчжу перечитал дважды. Спокойствие, только спокойствие.

Игла. Красная нить. Зашитый рот.

— Хан-сси, — поднял он взгляд. — Это очень важно. Он зашил вам рот полностью? До... до конца?

Она помотала головой.

— Начал, но не закончил?

Согласный кивок.

— И потом разрезал нити?

И еще один кивок.

— Можно... можно мне посмотреть? — подбирая слова, осторожно спросил Енчжу. — Мне нужно убедиться, что нет инфекции и сильных повреждений. Только если вы разрешите. Обещаю, что не буду прикасаться. Просто посмотрю.

Миру начало трясти. Однако, видимо, неожиданно даже для себя самой, она медленно... очень медленно начала опускать руки. И... открыла рот.

Енчжу встал и подошел ближе. Включил фонарик на телефоне и направил свет.

Внутренняя поверхность верхней и нижней губ была покрыта тонкими красными линиями. Господи, это же шрамы. Аккуратные и ровные, как хирургические швы. Четыре на верхней губе, три на нижней. А еще точки, словно следы... следы от проколов иглы.

— Боже, — прошептал Енчжу.

Мира закрыла рот и быстро прикрыла руками, заплакав сильнее. Енчжу опустился на колени перед ней, не смея прикоснуться.

— Хан-сси, послушайте меня. Вы очень храбрая. То, что вы пережили — кошмар. Но вы выжили, вы сейчас здесь. Я обещаю вам: мы найдем того, кто это сделал. Я лично прослежу, чтобы его нашли. А вам мы обязательно поможем, вылечим раны и память. Вы снова сможете говорить без страха. Обещаю.

Девушка смотрела на него сквозь слезы. Однако на этот раз будто что-то сдвинулось.

Тихий стук в дверь, после чего осторожно выглянула Сонми.

— Доктор Ли, прибыла мать пациентки.

— Впустите ее, — кивнул Енчжу, поднимаясь на ноги.

В палату вбежала женщина на вид не старше пятидесяти лет. Волосы растрепаны, на лице следы слез.

— Мира! Мира, доченька!

Мира дернулась к ней. Мать обняла, прижала к груди. Обе плакали.

Енчжу тихо вышел, давая им время. В коридоре прислонился к стене, закрыв глаза. Сердце колотилось как ненормальное.

Защитый рот. Красная нить.

Это не обычное домашнее насилие.

Он достал телефон, открыл браузер и начал сосредоточенно искать. Вбил в строку:

Серийный убийца Сеул защитый рот.

На странице тут же появилась масса результатов.

По первой ссылке находилась новость трехдневной давности: «Найдено тело молодой женщины с защитым ртом. Полиция подозревает серийного убийцу».

Вторая ссылка — неделю назад. «Вторая жертва маньяка. Рот защит красной нитью».

Третья — две недели назад. «Женщина найдена мертвой в Каннаме. Рот защит. Полиция в тупике».

Енчжу нахмурился и открыл первую статью. Читал и чувствовал, как холодеет кровь.

«...тело 28-летней Пак Сохи было обнаружено в ее квартире в Мапхо-гу. По данным следствия женщина подверглась жестокому избиению перед смертью. Причина смерти — удушение. На теле множественные следы насилия, включая ожоги и порезы. Наиболее шокирующая деталь — рот жертвы был защит красной хирургической нитью уже после смерти. Полиция считает, что это почерк серийного убийцы, действующего в Сеуле последние два месяца. Это уже третья жертва с аналогичными признаками...»

Енчжу медленно опустил телефон.

Третья жертва. Значит, были еще.

Мира — выжившая. Пока что единственная выжившая, о которой ему известно.

Он вернулся в палату. Мать все еще обнимала дочь, укачивая как ребенка. Мира прижималась к ней, руки по-прежнему закрывали рот.

— Госпожа Хан, — тихо позвал Енчжу. — Мне нужно поговорить с вами наедине. Это очень важно.

Женщина испуганно посмотрела на него, поцеловала дочь в макушку и шепнула:

— Я сейчас вернусь, доченька. Никуда не уйду, не бойся.

Они вышли в коридор. Енчжу отвел ее подальше от палаты, чтобы Мира не слышала.

— Что с моей девочкой? — Схватила его за руку госпожа Хан. — Что с ней сделали? Она не говорит! Совсем! И эти шрамы во рту...

— Госпожа Хан, ваша дочь пережила нападение, — серьезно сказал Енчжу. — Очень серьезное. Ее похитил мужчина, избивал и пытал. И хотел... хотел зашить ей рот. Иглой и ниткой.

Женщина побледнела и пошатнулась. Енчжу подхватил ее и усадил на стул в коридоре.

— Но она жива, — продолжил он. — Преступник по какой-то причине остановился, не доведя начатое до конца, и отпустил ее. Это делает Миру единственной выжившей жертвой серийного убийцы.

— Серийного... — В голосе госпожи Хан был неподдельный ужас. — Боже... Боже милостивый.

— Я свяжусь с полицией, — сказал Енчжу. — Они должны знать. Мира — важный свидетель. Возможно, единственная, кто видел убийцу и может его описать. Однако сейчас она в шоке и не готова говорить. Мне нужно время, чтобы подготовить ее. Несколько дней минимум.

— Да-да, конечно, — закивала госпожа Хан, едва сдерживая слезы. — Все что нужно, только помогите ей, пожалуйста. Я готова на все, лишь бы она снова смогла улыбаться.

Енчжу сжал ее плечо:

— Я сделаю все возможное. Обещаю.

Он проводил женщину обратно в палату, дал рекомендации медсестрам. Круглосуточное наблюдение, никаких посторонних посетителей и усиленная безопасность.

Потом вернулся в свой кабинет и закрыл дверь. Сел за стол, открыл ноутбук и начал более тщательно искать всю информацию о серийных убийствах.

Через час у него была полная картина.

Пять жертв за два месяца.

Ким Чжиен, 26 лет, блогер. Найдена в своей квартире в Каннаме. Рот зашит красной нитью в четырнадцать стежков. Следы избиения и удушение.

Чой Минчжон, 31 год, преподавательница английского. Найдена в парке в Ендынху. Рот зашит в шестнадцать стежков. Избиение, ожоги от сигарет и удушение.

Пак Сохи, 28 лет, журналистка. Найдена в своей квартире в Манхо. Рот зашит в восемнадцать стежков. Избиение, порезы и удушение.

Ли Хэчжин, 25 лет, менеджер в IT-компании. Найдена в гостинице в Каннаме. Рот зашит в двадцать стежков. Избиение, переломы пальцев и удушение.

Юн Соджин, 29 лет, активистка феминистского движения. Найдена в подвале заброшенного здания в Итхэвоне. Рот зашит в двадцать два стежка. Самые жестокие пытки из всех. Удушение.

Енчжу откинулся на спинку кресла, массируя виски. Было ли у несчастных сходство? Определенно.

Все жертвы — молодые женщины с активной социальной позицией. Блогер, преподаватель, журналистка, менеджер и активистка. Женщины, которые «много говорили». Делали это публично и профессионально.

Количество стежков увеличивалось с каждой жертвой, как будто убийца совершенствовал технику. Или... становился более одержимым тем, что творит.

И красная нить. Всегда красная.

Енчжу взял телефон и написал в чат команды.

Енчжу: Кажется, нам нужно собраться. У меня новое дело, где есть серийный убийца. Вполне вероятно, что это не просто человек.

Геджин: Моя квартира. Сегодня вечером в восемь часов. Приходи с материалами и жареной курочкой. Пек-Пеку не покажем.

Чжонгу: Буду.

Джувон: И я. А что за убийца?

Енчжу: Тот, кто зашивает женщинам рты красной нитью.

Джувон: Боже, какой ужас. Приду обязательно.

Чжонгу: У меня знакомый патологоанатом. Могу попросить доступ к материалам вскрытий.

Геджин: Хорошо. Любая информация важна. До вечера, мои пернатые.

Енчжу закрыл телефон и посмотрел в окно.

За стеклом моросил дождь. Серый Сеул тонул в сырости.

Маньяка нужно остановить, прежде чем появится шестая жертва.

Он встал и взял пиджак с вешалки. Ребра заныли от резкого движения, но он проигнорировал боль.

Работа только начиналась. Что-то подсказывало ему — это дело будет не менее страшным, чем паучий демон. Потому что монстры в человеческом обличье всегда страшнее настоящих монстров.

Енчжу глянул на свое отражение в темном экране компьютера. Психиатр, целитель душ, а теперь еще и детектив, охотящийся на серийного убийцу.

Он сжал кулаки.

«Я найду тебя, — мысленно пообещал он неизвестному маньяку. — Найду и остановлю, прежде чем ты забереешь еще одну жизнь».

Дождь за окном усилился, громко барабанил по стеклу.

В палате «412» девушка со шрамами во рту молча плакала на руках у матери. И ее молчание было громче любого крика.

Глава 2

В доме Геджина пахло полынью и сандалом, потому что старый шаман жег очистительные благовония перед каждой встречей команды.

— Нечистая сила липнет к охотникам, — любил повторять он. — Нужно регулярно чиститься, иначе притянете беду.

Енчжу нес пакет с жареной курочкой одной рукой и толстую папку с распечатками в другой. Ребра ныли от каждой ступеньки. Сегодня был особенно тяжелый день, три консультации подряд после Миры, и к вечеру боль усилилась. Однако обезболивающие он не принимал, ибо нужна была ясная голова.

Перед входом его встретил Пек-Пек, важно восседавший на ступеньках. Петух повернул голову, разглядывая Енчжу одним глазом-бусинкой, и недовольно квохнул.

— Да, я опоздал на пять минут, — пробормотал Енчжу, проходя мимо. — Прости, у меня пациенты были.

Пек-Пек клюнул его в ногу. Не сказать, что больно, но явно призывая к порядку.

— Ай! Ты хуже Геджин-сонсэнним, — вздохнул Енчжу, открывая дверь дома и чувствуя полынно-сандаловый аромат.

Внутри уже собрались остальные. Геджин сидел за низким столом, окруженный раскрытыми книгами и свитками. Седые волосы растрепаны, очки для чтения сползли на кончик носа. Перед ним дымилась чашка травяного чая. По запаху женьшень с лимонником.

Джувон устроился на полу у окна, скрестив ноги по-турецки, и листал что-то на планшете. На нем была мягкая толстовка с изображением кота в космосе и джинсы в краске. Видимо, снова рисовал свои мандалы для медитации.

Чжону сидел на диване все еще в рабочем костюме, но пиджак снят и рукава рубашки закатаны. Перед ним на журнальном столике располагилась стопка медицинских отчетов.

— Наконец-то, — поднял взгляд Геджин. — Думал, что уже ты передумал и сожрал нашу курицу.

— Номинально она еще моя.

— Не нуди.

— Задержался. — Енчжу прошел внутрь, скинул ботинки у входа. — Пришлось успокаивать мать Миры. Она хотела забрать дочь домой уже сегодня.

— И что ты сказал? — спросил Чжону.

— Что минимум неделю Мира должна оставаться под наблюдением. Физические раны заживут быстро, а вот психологические... — Енчжу покачал головой, опускаясь на подушку рядом с Джувоном. — Это будут месяцы терапии. Может, годы.

— Бедная девочка, — тихо сказал Джувон. — Выжить после такого... Не знаю, смог бы я.

— Ты бы смог, — возразил Геджин. — Все бы мы смогли, иначе не сидели бы здесь.

Повисла неуютная тишина. Каждый из них уже пережил свое. Встречи с призраками, духами и сверхъестественным злом редко проходили бесследно. Шрамы были не только физическими.

— Ладно, — прервал молчание Геджин, отодвигая книги. — Рассказывай, Енчжу. Что у тебя?

Енчжу открыл папку, достал распечатки новостных статей, полицейских сводок и фотографий. Разложил на столе в хронологическом порядке.

— Пять убийств за два месяца. Все жертвы — женщины от двадцати пяти до тридцати одного года. Все найдены с зашитыми ртами. Красная хирургическая нить, профессиональные швы. Причина смерти во всех случаях — удушение. Перед этим длительные пытки: избиения, ожоги и порезы.

Он выложил фотографии с мест преступлений. Чжону нахмурился, изучая их профессиональным взглядом хирурга. Джувон побледнел и на время отвернулся.

— Количество стежков увеличивается, — продолжил Енчжу. — У первой жертвы четырнадцать стежков, у второй — шестнадцать, у третьей — восемнадцать, у четвертой — двадцать. Наконец, у пятой их двадцать два. Прогрессия четкая.

— Убийца совершенствуется, — заметил Чжону, рассматривая швы крупным планом на фотографии. — Техника становится увереннее, видите? На первой жертве швы неровные, расстояние между стежками разное. А на пятой — идеально ровные и одинаковое натяжение нити. Это работа, которая требует практики.

— Или одержимости, — мрачно добавил Геджин.

— Еще есть общее у жертв, — сказал Енчжу и достал следующую стопку бумаг. — Все они были публичными людьми. Ким Чжиен — блогер, писавшая о феминизме, сто двадцать тысяч подписчиков. Чой Минчжон — преподавательница английского, вела популярный канал на ютубе о корейско-американских культурных различиях. Пак Сохи — журналистка, ее статьи были о домашнем насилии и женских правах. Ли Хэчжин — менеджер в IT-компании, которая активно выступала против сексизма в технологических индустриях. Юн Соджин — организатор феминистских маршей.

— Женщины, которые много говорили, — пробормотал Джувон. — Публично и открыто.

— Именно, — кивнул Енчжу. — Все они имели активную социальную позицию. Высказывались по вопросам гендерного равенства, критиковали традиционные взгляды на роль женщины. У всех были хейтеры в интернете, мелькали неоднократно угрозы в комментариях. У кого-то меньше, у кого-то — больше.

— Полиция проверяла этих хейтеров? — спросил Чжону.

— Проверяла. Мне попала информация, что допросили человек тридцать. Все имеют алиби хотя бы на одно из убийств. Тупик.

Геджин встал и подошел к окну, сложив руки за спиной. Пек-Пек вопросительно посмотрел на него.

— Мотив ясен, — сказал старый шаман, глядя на ночную улицу за окном. — Убийца наказывает женщин за то, что они «слишком много говорят». Зашивает рты — прямо заставляет замолчать. Красная нить... — Он повернулся к остальным. — Красная нить в нашей культуре имеет много значений. Судьба, связь между людьми, брак, однако... есть и еще кое-что.

Он прошел к своей библиотеке. Целая стена, заполненная старыми книгами, свитками и манускриптами. Достал потрепанный том в кожаном переплете.

— Сборник корейских народных сказок, записанных в начале двадцатого века, — объяснил он, видя удивление на лицах мужчин. — Здесь есть... вот. «Болтливая жена».

Геджин положил открытую книгу на стол. Енчжу наклонился, читая старомодный корейский текст.

— Это сказка о женщине, которая не могла остановиться говорить, — продолжил шаман. — Она сплетничала, ругалась и спорила с мужем. Муж бил ее, но она не останавливалась. Однажды муж сказал: «Если ты не можешь молчать сама, я заставлю тебя». Пригрозил зашить ей рот красной нитью, как зашивают мешки с рисом.

— Приятная сказочка, — пробормотал Джувон с отвращением.

— Подождите, дальше еще интереснее, — Геджин перевернул страницу. — Жена испугалась. Стала пить соленую воду каждый день, чтобы высушить горло и не иметь возможности говорить. Постепенно она потеряла голос, перестала есть и начала худеть. Она умерла от истощения, так и не произнеся больше ни слова. Муж был доволен, потому что наконец-то в доме тишина.

Енчжу почувствовал тошноту.

— И это преподносится как мораль? Женщина должна молчать?

— В тех записях — да, — кивнул Геджин. — Сказка заканчивается словами: «Мудрая жена знает, когда нужно молчать». Жуть. Корея была глубоко патриархальным обществом. Женщины не имели права голоса.

— Но это просто старая сказка, — сказал Чжону. — К тому же у нее много версий. Я знаю ту, где жена обратилась к ведунье, которая велела якобы пить воду с солью, но лишь для того, чтоб жена молчала, когда бранится муж. Там никто не умирал. Как это связана с убийствами?

— Символика, — ответил Геджин. — Красная нить, зашитый рот как наказание за болтливость. Убийца либо знает более страшную версию сказки, либо... — Он сделал паузу, прежде чем продолжить: — Либо одержим духом из нее.

— Подождите, — поднял руку Джувон. — Вы думаете, это демон? Как Емгоми?

— Не демон, — покачал головой Геджин. — Дух или призрак. Возможно, самого того мужа из сказки. Корейский фольклор полон таких историй, когда сильные эмоции, травма, несправедливость создают духа, который потом влияет на живых.

— Но сказка же не реальность, — возразил Енчжу. — Это выдумка.

— Не обязательно. — Геджин вернулся к столу, сел. — Многие сказки основаны на реальных событиях. Кто-то когда-то действительно жил, страдал и умирал. История трансформировалась в сказку, но суть осталась. И если события были достаточно травматичными, то могли породить духа.

— Хорошо, допустим, — сказал Енчжу и откинулся назад, прислонившись к стене. — Допустим, есть дух мужа-абыюзера из девятнадцатого или начала двадцатого века. Почему он активизировался именно сейчас? Почему не десять лет назад? Не двадцать?

— Нужен триггер, — просто ответил Геджин. — Что-то, что разбудило духа. Ну, или кто-то, кто его призвал. Дураков полно.

— Призвал? — настороженно переспросил Чжону. — Специально?

— Не обязательно специально. Иногда достаточно прочитать старый текст вслух или произнести определенные слова на определенном месте. Или... — Геджин посмотрел на Енчжу и добавил: — Найти человека, чьи эмоции резонируют с духом. Например, человека, который сам переполнен гневом на женщин.

Енчжу кивнул. Да уж, понятнее некуда. Они уже с таким сталкивались.

— Носитель. Дух находит человека с подходящими... наклонностями, вселяется и усиливает эти наклонности до крайности.

— Именно, — согласился Геджин. — Обычный мизогин становится серийным убийцей, одержимым идеей заставить женщин замолчать... Навсегда.

Джувон встал и начал ходить по комнате, нервно теребя рукава толстовки:

— Значит, нам нужно найти носителя, который физически совершает убийства. И потом... изгнать духа?

— Сначала найти, потом думать, как изгонять. — Геджин потер переносицу. — Проблема в том, что полиция ищет обычного человека. Они не знают о сверхъестественном компоненте. Их методы могут не работать.

— У меня есть зацепка, — вмешался Енчжу. — Мира написала, что он пах рыбой.

— Рыба и соль, — задумчиво повторил Чжону. — Рыбный рынок? Порт?

— Или консервный завод, — предположил Джувон. — В Сеуле есть несколько мест, где обрабатывают морепродукты.

Енчжу достал телефон, открыл заметки:

— Мира позже добавила, что он называл ее дерзкой потаскухой и бесстыжей бабой. Термины не то, чтоб устаревшие, но...

— Но и не новомодный сленг, дух такие вполне знает, — кивнул Геджин.

Чжону вдруг выпрямился и сказал:

— Помните, я говорил про патологоанатома? Его зовут Хван Сонджэ. Мы учились вместе в медицинском. Я могу попросить его о доступе к материалам вскрытий. Официально скажу, что для научного исследования паттернов посмертных изменений при удушении.

— Сработает? — с надеждой спросил Енчжу.

— Должно. Он мне... должен. я прикрывал его, когда он прогуливал занятия ради свиданий, — усмехнулся Чжону. — Позвоню завтра утром.

— Хорошо. — Геджин постучал пальцами по столу. — Значит, план следующий: Чжону получает доступ к материалам вскрытий, ищет что-то необычное, что полиция могла пропустить. Енчжу продолжает работать с Мирой, выуживает больше деталей о внешности и поведении убийцы. Джувон...

— Я могу проверить места преступлений духовным зрением, — быстро предложил молодой медиум. — Может, остались энергетические следы.

— Именно это я и хотел сказать, — кивнул Геджин. — А я покопаюсь в архивах. Если эта сказка основана на реальных событиях, должны быть записи. Газетные статьи, судебные дела... да что угодно. Нужно найти, где и когда жили реальные прототипы.

— А... если найдем место? — спросил Енчжу.

— Тогда сможем понять, как изгнать духа. Каждый призрак привязан к чему-то: к месту смерти, предмету и незавершенному делу. А найдем привязку, то найдем способ изгнания.

Пек-Пек вдруг громко закукарекал и взмахнул крыльями. Все разом вздрогнули.

— Что? — Джувон посмотрел на петуха. — Что ты чувствуешь?

Пек-Пек прошелся к двери и повернулся к ним. Снова тревожно закричал.

— Он предупреждает, — тихо сказал Геджин. — Чувствует нечистую силу. При этом весьма близко.

Джувон закрыл глаза, сосредотачиваясь. Его дар после обучения уже позволял чувствовать духовные энергии в радиусе нескольких километров. Правда, нечасто.

— Есть что-то, — прошептал он через минуту, открывая глаза. Зрачки были расширены, дыхание участилось. — К северу отсюда в километрах в трех. Очень темная энергия. Она отчаянно злая и... движется сюда.

— Охотится, — выдохнул Геджин и встал. — Он выбрал новую жертву.

— Джувон, можешь определить точное местоположение? — резко спросил Енчжу.

Джувон напрягся, вытянув руки:

— Район... Ендынхо. Возле реки. Парк... Еыйдо парк, кажется. Энергия концентрируется именно там.

— Это в пятнадцати минутах на машине, — бросил Чжону, уже надевая пиджак. — Едем. Сейчас.

— Оружие, — бросил Геджин, метнувшись к шкафу.

Он достал освященные клинки с выгравированными защитными символами. Бросил по одному Енчжу и Чжону. Себе же взял посох.

Джувон схватил сумку с талисманами.

— А если это не он? — спросил Енчжу, пряча нож за пояс. — Если просто... другой дух?

— В Сеуле десятки духов шарятся каждую ночь, — уже на пороге ответил Геджин. — Но Пек-Пек не реагирует на обычных, только на опасных. Если он кричит так, то это серьезная угроза.

Они выскочили из дома Пек-Пек летел впереди, показывая дорогу. Боевой петух явно готовился рвать зло всем, чем может.

Машина Чжону стояла неподалеку. Все быстро впихнулись внутрь, Чжону завел двигатель, и автомобиль сорвался с места.

— Навигатор говорит двадцать минут с учетом пробок, — сказал он, лавируя между машинами.

— У нас нет двадцати минут, — отрезал Геджин. — Джувон, следи за энергией. Говори, если что-то изменится.

Тот кивнул и закрыл глаза, настраиваясь на далекую темную вибрацию.

Енчжу сжимал рукоять ножа под пиджаком. Сердце колотилось стучало в висках. Они ехали спасать незнакомого человека от серийного убийцы, одержимого духом из сказки.

Обычная среда для охотников на демонов.

— Энергия усиливается, — прошептал Джувон. — Он нашел кого-то. Начал... о боже. Начал...

— Быстрее! — крикнул Геджин.

Чжону вдавил педаль в пол. Машина взревела, рванув вперед, и проскочила на желтый свет.

— Две минуты, — сказал он сквозь стиснутые зубы.

Енчжу смотрел в окно на проносящийся мимо ночной город. Где-то там в темноте парка человек с иглой и красной нитью уже склонялся над очередной жертвой, чтобы сделать первый стежок.

— Держись, — прошептал он в темноту. — Мы едем. Держись.

Впереди показался парк Еыйдо. Огромная зеленая зона в центре Сеула, бывшая ночью почти пустой.

Чжону затормозил у входа, и все выскочили из машины.

— Куда? — крикнул Енчжу.

Джувон указал дрожащей рукой направление:

— Туда к реке, думаю, прямо под мостом.

Они побежали по тропинке парка мимо спящих деревьев, скамеек и фонарей. Пек-Пек неся впереди, как живая стрела.

Впереди замаячил мост, перекинутый через реку Хан. Под ним — темное пространство, где бездомные иногда устраивали ночлег.

— Здесь! — закричал Джувон.

Они свернули в темноту под мост и замерли. Перед ними была сцена из кошмара.

Худой мужчина средних лет в грязной рабочей одежде склонился над девушкой. Она была привязана к бетонной опоре моста. Рот приоткрыт, а глаза широко распахнуты от ужаса.

В руках мужчины была длинная игла и катушка красных ниток. Он... он уже сделал первый стежок. Кровь стекала по подбородку девушки.

— Стой! — заревел Геджин, шагая вперед, и его посох вспыхнул защитными символами. Мужчина медленно повернул голову.

Енчжу шумно выдохнул, увидев его глаза. Белые. Белый цвет затопил их полностью.

Перед ними стоял одержимый.

— Еще одна болтуня, — прошипел мужчина голосом, в котором слышалось что-то шипящее. — Они все болтливые. Нужно зашить. Зашить их всех раз и навсегда. Тогда наступит тишина, которая и должна быть.

Он снова повернулся к девушке, занося иглу для второго стежка.

— Я сказал стой! — Геджин швырнул талисман.

Бумажка вспыхнула в полете, превратилась в огненный сгусток и ударила мужчину в грудь.

Тот отлетел назад, игла со звоном выпала из рук.

— Джувон, круг! — крикнул Геджин. — Чжону, Енчжу, освобождайте девушку!

Все двинулась синхронно, действуя настолько слаженно, будто имели годы тренировок за спиной.

Джувон очертил кругом одержимого, не давая ему приблизиться к жертве.

Чжону и Енчжу метнулись к девушке. Чжону разрезал веревки освященным ножом, Енчжу подхватил ее, не давая упасть.

— Все хорошо, — шептал он ей, отводя подальше. — Вы в безопасности, госпожа. Все хорошо.

Девушка рыдала, прикрывая рот руками, и сквозь пальцы сочилась кровь.

Одержимый мужчина, пошатываясь, поднялся. Белые глаза смотрели на них с нечеловеческой ненавистью:

— Вы... мешаете... Она должна... молчать... Все должны... молчать...

— Не сегодня, — отрезал Геджин, поднимая посох. — Именем земли, воды, огня, металла и дерева изгоняю тебя, дух гнева! Уходи в свой мир! Оставь этого человека!

Он начал ритуал изгнания, голос крепчал, слова гроыхали так, что было чего испугаться.

Одержимый закричал, издав жуткий звук, где человеческая боль смешалась с нечеловеческим воем.

Тело мужчины затряслось в конвульсиях. Из рта повалил белый дым. Изгоняемый дух покидал тело носителя.

— Почти, — прошипел Геджин. — Еще немного...

Однако быстро сдаваться дух не хотел. Он сопротивлялся, цепляясь за носителя.

— Геджин-сонсэнним! — крикнул Джувон. — Не хватает силы!

— Я вижу! — Старый шаман напрягся, лицо побагровело от усилий.

Енчжу смотрел на происходящее, прижимая к себе рыдающую девушку. В голове лихорадочно вертелись мысли.

Дух слишком силен, и Геджин не справится один. Нужно что-то еще.

Внезапно он вспомнил услышанные ранее слова Геджина о духах: «Они питаются эмоциями. Обычно гневом, страхом и болью».

Этот дух питался желанием заставить женщин замолчать. Значит, его слабость...

— Говори! — сказал Енчжу девушке. — Кричи! Кричи все, что хочешь сказать! Не молчи!

Девушка всхлипнула и непонимающе посмотрела на него:

— Доверься мне! — Енчжу развернул ее лицом к одержимому. — Кричи! Это ослабит его! Твой голос — оружие!

Девушка задрожала, но медленно опустила руки ото рта, по ходу размазав кровь по подбородку.

В следующий миг раздался крик. Громкий и пронзительный, полный ярости и боли.

Одержимый дернулся и схватился за голову:

— Нет! Молчи! Молчать!

— Еще! — подбодрил Енчжу. — Громче!

Девушка вдохнула и закричала снова, на этот раз еще громче, будто выталкивая весь ужас наружу.

И дух начал... слабеть. Белый дым повалил сильнее, мужчина упал на колени, его тело забилося в агонии.

Геджин воспользовался моментом:

— Уходи! Уходи навсегда!

С посоха сорвалась серебристая волна, и дух с воплем вырвался из тела, взметнувшись вверх черной бесформенной массой.

На секунду он завис в воздухе, принимая форму мужчины с искаженным злобой лицом.

— Я... вернусь... — прохрипел он. — Всегда... возвращаюсь...

А потом рассеялся, растворившись в ночи. Тело мужчины обмякло, и рухнуло на бетон.

Воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием команды и всхлипами девушки.

Енчжу осторожно опустил ее на землю и быстро достал телефон, набирая 119.

— Мне нужны скорая и полиция. Мы находимся под мостом Мапхо. Женщина ранена, мужчина без сознания.

Чжону уже склонился над девушкой, осматривая рану и вынося вердикт:

— Один стежок. Не глубоко, вам повезло. Еще пара минут — и было бы поздно.

Геджин опустился на землю, тяжело дыша. Посох лежал рядом. Лицо посерело, а на лбу выступили капли пота.

— Учитель! — подскочил к нему Джувон. — Вы в порядке?!

— Нормально, — прохрипел старый шаман. — Просто... устал. Этот дух... сильный, зараза. Очень сильный, чтоб его.

— Вы изгнали его? — спросил Енчжу.

— Нет, — покачал головой Геджин. — Только выгнал из носителя, а сам дух жив. И он сказал правду, что вернется. Только найдет нового носителя.

— Значит, это не конец, — пробормотал Чжону.

— Нет, — согласился Геджин. — Это только начало.

Вдалеке завывали сирены.

Енчжу посмотрел на мужчину на земле. Обычный человек средних лет в одежде, пропахшей рыбой. Лицо изможденное, шрамы на руках, седые волосы. Жертва и убийца одновременно.

— Что с ним будет? — тихо спросил Джувон.

— Полиция арестует. Обвинят в покушении на убийство, — ответил Енчжу. — Может, в остальных убийствах тоже, если найдут доказательства. Психиатрическая экспертиза, тюрьма или клиника.

— Но он был одержим. Это не совсем его вина.

— Закон не признает одержимость смягчающим обстоятельством, — горько усмехнулся Енчжу. — Для обычных людей духов не существует.

Девушка молча смотрела на них, но ничего не говорила. От шока вряд ли адекватно воспринимает информацию, что даже к лучшему.

Вскоре полицейские машины и медики подъехали к мосту. Команда отступила в тень, утащив за собой Пек-Пека, и наблюдали, как забирают девушку и мужчину, а потом ограждают место преступления.

— Нужно уходить, — сказал Геджин, опираясь на руку Джувона. — Пока не начали задавать вопросы.

Ехали обратно молча, и каждый думал о своем. Они должны найти способ остановить духа, прежде чем он заберет еще одну жизнь. Прежде... чем зашьет еще один рот.

— Завтра продолжим, — сказал Геджин, когда они подъезжали к его дому. — Отдохните, птенцы, потому что нам понадобятся силы.

Но Енчжу знал, что никто из них этой ночью не уснет.

Глава 3

Утром Енчжу позвонил Пак Мингю — знакомый детектив, который недавно наведывался в больницу по поводу одного дела месячной давности. У Енчжу с ним завязались приятельские отношения.

— Ты где был прошлой ночью? — спросил он, в голосе угадывались нотки усталости.

Енчжу сидел на кухне своей квартиры, уставившись в чашку с остывшим кофе. Спать так и не лег. После возвращения из парка просидел всю ночь, просматривая материалы по делу, делая заметки, и пытаясь составить профиль убийцы. Точнее, профиль носителя духа.

— Дома, — соврал он. — А что?

— Пройшей ночью под мостом Мапхо было нападение. Девушка, блогер, возраст двадцать семь лет. Кто-то попытался зашить ей рот. Красная нить и игла. Тот же почерк, что с Хан Мирой, делом которой я сейчас занимаюсь.

— И? — постарался как можно удивленнее отреагировать Енчжу.

— И мы поймали подозреваемого на месте. Зовут Чхве Донмин, возраст сорок два года, он работает грузчиком на рыбном рынке Норьянджин. Найден без сознания рядом с жертвой. При нем находились игла и нить. Как-то это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Чтобы так быстро нашли.

Енчжу сжал чашку сильнее и невинно уточнил:

— Признался?

— Не может. Все еще без сознания. Врачи говорят, какой-то шок, даже судороги, похоже на эпилептический приступ. Но анализы чистые. Не обнаружено никаких наркотиков и алкоголя. — Мингю сделал паузу. — Енчжу, мне нужна твоя профессиональная помощь.

— Какая именно?

— Я хочу, чтобы ты провел с ним беседу, когда он очнется, и дал психиатрическую оценку. Нужно понять, притворяется он или действительно что-то с ним не так. И... — замялся Мингю. — Еще составить профиль. Ты же этим занимаешься, правда? Помогаете полиции с психологическими профилями преступников?

Енчжу действительно иногда консультировал полицию. Несколько раз в год его приглашали как эксперта по сложным случаям. Официально.

— Занимаюсь, — подтвердил он. — Но, Мингю, у меня пациенты, расписание...

— Пожалуйста. — В голосе детектива звучала настоящая мольба. — Это уже шестая жертва. Шестая, Енчжу. Давление сверху невероятное. Если этот Чхве действительно наш убийца, мне нужно железное доказательство. А если нет... я должен знать, куда копать дальше. Ты — единственный психиатр, которому я доверяю.

Енчжу закрыл глаза. Отказать было невозможно. И не только из-за дружбы, ведь ему самому нужен был доступ к Чхве Донмину. Поговорить с человеком, который был одержим, понять, как это произошло. Найти как можно больше зацепок.

— Хорошо, — сказал он. — Когда очнется, дай знать. Приеду.

— Спасибо, брат. Должен тебе.

— Еще как должен. Я буду записывать уже.

Мингю рассмеялся, правда, без особой радости, и отключился.

Енчжу положил телефон на стол и допил холодный кофе. Взгляд упал на ноутбук, открытый на странице с заметками.

Профиль носителя духа «Болтливой жены».

Общие характеристики:

Мужчина 35-50 лет. Низкий социально-экономический статус. Вероятно, одинокий или разведенный. Работа, связанная с физическим трудом. Возможно, неудачные отношения с женщинами.

Психологические характеристики:

Глубокая обида на женщин. Чувство униженности. Вероятно, сам был жертвой насилия (эмоционального или физического). Убеждение в традиционных гендерных ролях. Женщины должны «знать свое место», «молчать» и «подчиняться».

Триггеры:

Феминизм, женская активность, публичность женщин. Возможно, недавний конфликт с женщиной (разрыв, увольнение, отказ). Что-то, что пробудило дух или сделало его восприимчивым к одержанию.

Енчжу вздохнул и постучал пальцами по крышке стола. Что еще?

Надо учесть методичность в плане увеличения количества стежков, то есть совершенствование техники. Ритуальность, где всегда фигурировала красная нить. Может хранить трофеи или записи. Маньяки к этому склонны.

Чхве Донмин идеально вписывался в профиль. Сорок два года, грузчик, низкооплачиваемая работа на рынке. Енчжу готов был поспорить, что найдутся и неудачные отношения, и травматичное прошлое, и обида на женщин.

Идеальный сосуд для древнего духа мизогинии, чего уж там.

Через несколько минут появилось в чате команды сообщение от Чжону:

«Связался с Пак Сонджэ из морга. Встречаемся в обед, покажет материалы вскрытий всех пяти жертв. Кто-то хочет присоединиться?»

Енчжу: Я не могу, дела в больнице. Но если найдешь что-то важное, сразу сообщи».

Джувон: Я пойду. Духовным зрением могу проверить, есть ли остаточная энергия на телах.

Геджин: Я остаюсь в архивах. Нашел зацепку по сказке. Расскажу вечером. Не забудьте взять пива, торт и самгепсалья.

Чжону: Договорились. Джувон, встречаемся у морга в час дня.

Енчжу закрыл чат и посмотрел на часы. Сейчас семь утра. Нужно было ехать в больницу, у него первый пациент в девять. И Мира... Он обещал навестить ее после обеда и продолжить терапию.

Енчжу поднялся, прошел в ванную и посмотрел на свое отражение в зеркале. Выглядел он лет на пятьдесят, хотя до сорока еще было далеко.

— Прекрасно, — пробормотал он себе. — Просто прекрасно.

Быстрый душ, бритье, чистая рубашка и костюм. Ребра ныли, когда он натягивал пиджак, но терпимо. Обезболивающее все-таки принял. Сегодня будет дли-и-инный день.

Больница «Святой Марии» встретила его привычным запахом антисептика и тихим гулом медицинского оборудования. Енчжу прошел к своему кабинету, поздоровался с коллегами и проверил расписание.

В девять утра придет Ким Чансу, у которого тревожное расстройство. Он уже проходит восьмой сеанс когнитивно-поведенческой терапии.

В десять тридцать будет Пак Минсо с депрессией и коррективкой медикаментозной терапии.

Двенадцать часов — обед (отменен, нужно готовиться к беседе с Чхве Донмином).

Дальше в тринадцать тридцать... Хан Мира. Посттравматическое стрессовое расстройство и продолжение терапии.

Стандартный день психиатра. Если бы... не серийный убийца, одержимый духом.

Первые два сеанса прошли на автопилоте. Енчжу слушал, кивал, задавал правильные вопросы, корректировал терапевтические стратегии. Однако часть сознания была занята Чхве Донмином, красными нитями и зашитыми ранами.

В двенадцать, вместо обеда, он закрылся в кабинете и начал готовиться к беседе с предполагаемым убийцей. Составил список вопросов, продумал стратегию интервью.

С одержимыми нужно было работать осторожно. Дух мог быть все еще в нем. Или вернуться в любой момент.

Через несколько минут раздался звонок от Мингю.

— Он очнулся, — сообщил он. — Явно дезориентированный, но в сознании. Можешь приехать?

— Выезжаю, — ответил Енчжу, уже снимая медицинский халат.

Он отменил остальные приемы (попросил коллегу подменить), оставил записку для Миры на случай, если она придет раньше, и поехал в центральный отдел полиции Сеула.

Детектив Пак Мингю встретил его в холле. Ему было сорок, черные волосы коротко подстрижены, спортивное телосложение и вечная чашка кофе в руке. Оказалось, они учились вместе в Сеульском национальном университете двадцать лет назад, хотя на разных факультетах. Енчжу на медицинском, а Мингю на юридическом. Столкнулись не давно, но уже завязалось что-то вроде дружбы.

— Спасибо, что приехал. — Мингю пожал ему руку. — Серьезно. Ты спасаешь меня.

— Посмотрим, смогу ли я помочь, — ответил Енчжу. — Где он?

— В комнате для допросов. Пока без наручников, но под охраной. Формально он задержанный, не арестованный. Еще сорок восемь часов на следствие.

Они прошли по коридору к комнатам допросов.

Мингю на ходу рассказывал:

— Очнулся час назад. Первое, что спросил: где он и что произошло. Говорит, не помнит ничего после того, как вышел с работы вчера вечером. Следующее воспоминание — проснулся в больнице, а вокруг копы.

— Классическая диссоциативная амнезия, — пробормотал Енчжу. — Или притворство.

— Вот ты и определи, — сказал Мингю и остановился у двери с номером три. — Я буду наблюдать через стекло. Записываем все на видео, естественно. Если что-то пойдет не так, кричи.

— Он опасен?

— Не знаю. При задержании был как овощ, но если действительно убил пятерых женщин... — Мингю не закончил фразу, все и так было понятно.

Енчжу кивнул и достал диктофон из кармана:

— Буду записывать для своих целей тоже. Возражений нет?

— Нет. Все, что поможет.

Енчжу вошел в комнату допросов. Стандартное помещение: серые стены, стол, два стула и зеркало на стене. За столом сидел Чхве Донмин. Руки лежали на столе, голова была опущена. Волосы растрепались, на лице остались царапины.

Енчжу закрыл дверь, приблизился и сел напротив.

Мужчина поднял голову. Глаза красные, опухшие от слез. Обычные карие глаза. Никакой белизны, что была прошлой ночью.

Дух ушел. Остался только измученный человек.

— Здравствуйте, Чхве-сси, — спокойно сказал Енчжу. — Меня зовут Ли Енчжу. Я психиатр. Детектив Пак попросил меня поговорить с вами. Просто поговорить без всякого давления. Вы согласны?

Чхве Донмин затравленно смотрел на него:

— Я не понимаю, что происходит. Мне говорят, что я напал на девушку. Пытался... пытался зашить ей рот. Это безумие. Я бы никогда... я не такой...

Его голос дрожал на грани истерики.

— Я верю, что вы так думаете, — мягко сказал Енчжу. — Давайте попробуем разобраться вместе. Можете рассказать, что вы помните о вчерашнем дне?

Донмин глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться:

— Я... работал... Как обычно на рынке Норянджин. Я там разгружал ящики с рыбой. Смена с шести утра до шести вечера. Закончил, помылся, переоделся да хотел идти домой.

— И потом?

— Потом... — Он нахмурился, массируя виски. — Потом пустота. Я не помню. Следующее, что я помню — это просыпаюсь в какой-то больнице, а надо мной врачи полицейские. Говорят, что я в парке был прямо под мостом. Но я не помню! Клянусь, не помню!

Енчжу включил диктофон на столе:

— Чхве-сси, вы не против, если я запишу нашу беседу? Для анализа.

— Нет, записывайте, мне все равно, — всхлипнул мужчина. — Я просто хочу понять, что со мной. Это как... как провал в памяти. Как будто кто-то вырвал несколько часов из моей жизни.

— Такое случалось раньше? — спросил Енчжу. — Провалы в памяти и потеря времени?

Пауза. Долгая. Собеседник нахмурился.

— Чхве-сси?

— Да, — прошептал Донмин, не поднимая глаз. — За последние два месяца несколько раз. Я засыпал дома, а вот просыпался в странных местах. Один раз на улице в незнакомом районе. Второй раз — в парке. Вообще не понимал, как туда попал. Думал, лунатизм. Или... перепил соджу, хотя я почти не пью.

Енчжу делал заметки.

— Как часто это происходило?

— Пять раз. Может, шесть. Не уверен. Я пытался не думать об этом. Боялся, что схожу с ума.

— И вы ни к кому не обращались?

— Нет. Боялся. У меня нет денег на врачей. И потом... стыдно было. Мужик сорока двух лет теряет память как хилая девица. Что люди подумают.

Енчжу вздохнул. Стыд, страх и попытка избежать. Именно так духи и захватывают контроль — постепенно, пока носитель отрицает проблему.

— Чхве-сси, расскажите о себе. О жизни, работе и семье.

Донмин пожал плечами и сказал:

— Что рассказывать-то... Жизнь дерьмовая, работа дерьмовая, семьи нет.

— Была когда-то?

— Был женат десять лет назад. Два года прожили и развелись. Она... — В голосе вдруг промелькнуло что-то жесткое. — Она ушла, сказав, что я неудачник. Что не может жить с мужиком, который зарабатывает меньше ее. Что я... слабак.

— Это задело вас.

— Конечно задело! — Чхве ударил кулаком по столу. — Я старался! Работал! Но экономика дерьмо, зарплаты не растут, а цены растут! Я не виноват, что не стал чеболем!

— Чеболем? — переспросил Енчжу.

— Богачом. Владельцем крупной корпорации, — горько рассмеялся Донмин. — Она хотела принца на белом коне, а получила грузчика на рыбном рынке. Разочарованьице.

— После развода были другие отношения? — осторожно уточнил Енчжу.

— Пытался, но не получалось. Девушки хотят денег, статуса и красивой жизни. Я не могу этого дать. Значит, я никто. — Чхве сжал кулаки. — Женщины сейчас обнаглели, доктор Ли.

Требуют равенства, а сами хотят, чтобы мужчина за все платил. Требуют уважения, а сами не уважают. Кричат о феминизме, а традиционные ценности в грязь. Раньше было лучше.

— Раньше? — Енчжу чуть подался вперед. — Когда раньше?

— В старые времена. Ну, когда мужчина был главой семьи, понимаете? Женщина знала свое место. Она была скромной, покорной и молчаливой. Не болтала попусту и не учила мужа жить.

Енчжу почувствовал холодок, пробежавший по спине. Это не просто обида разведенного мужчины. Это... что-то большее. Оно... старше.

— Чхве-сси, откуда у вас такие взгляды?

— От отца, — удивленно ответил Донмин, посмотрев на него. — Он так всегда говорил, а до него дед. Они правы были, ох и правы. Женщины должны молчать. Слишком много они говорят сейчас.

— И что, по-вашему, нужно с этим делать?

Чхве открыл рот, но потом резко замолчал. Лицо исказилось, будто он боролся с чем-то внутри.

— Я... не знаю. Не помню, что хотел сказать.

Ложь. Енчжу явно чувствовал ложь.

Чхве прекрасно помнил, однако боялся произнести вслух.

— Вы знаете, что вас обвиняют не только в нападении на девушку прошлой ночью, — сказал Енчжу. — Но потенциально в убийствах пяти женщин за последние два месяца. Все убиты одинаково. Рты жертв зашиты красной нитью.

Чхве побледнел:

— Нет. Нет, я не... я бы не смог... убить? Я?

— Провалы в памяти совпадают по времени с убийствами, — продолжил Енчжу, наблюдая за реакцией. — Первое убийство — девятнадцатое мая. У вас был провал в памяти в тот день?

— Я... не помню. Может быть.

— Второе убийство произошло второго июня. Третье последовало десятого июня. Четвертое случилось двадцатого. И пятое — двадцать шестого. Были провалы?

Чхве закрыл лицо руками и затрясся:

— Да. Да, наверное. Я не вел записи. Но... Боже. Это я? Я убивал? Как? Почему?!

— Вот это я и пытаюсь понять, — мягко сказал Енчжу. — Чхве-сси, когда случались провалы, вы чувствовали что-то необычное? Слышали голоса? Видели что-то странное?

Мужчина молчал долго, но все же медленно кивнул:

— Голос. Я слышал голос. Не свой, а какой-то другой... Совсем старый. Он... говорил мне что-то, но я не понимал слов. Просто ощущение, что кто-то был внутри меня.

— Что он говорил? Попробуйте вспомнить.

— Про женщин. Что они... что их нужно... — застонал Чхве. — Заткнуть. Заставить замолчать. А еще лучше зашить... Зашить всем рты.

Енчжу лихорадочно записывал.

— И вы соглашались?

— Я не знаю! Может быть. Иногда я сам так думал., особенно, когда злился. А еще, когда вспоминал жену и ее слова. Или видел этих... феминисток по телевизору. Кричат, требуют так, что хотелось, чтобы заткнулись.

— Но вы никогда не действовали по этим мыслям? До провалов в памяти?

— Нет! Конечно, нет! Я просто думал. Ведь мысли же не преступление.

— Нет, — согласился Енчжу. — Мысли не преступление, однако они могут стать... дверью для чего-то извне.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Донмин.

Енчжу колебался. Сколько правды можно сказать? Мингю слушал за зеркалом, и все записывалось.

— Чхве-сси, вы верите в сверхъестественное? — осторожно спросил он. — Я имею в виду, в духов и призраков?

Донмин нахмурился:

— Не знаю. Может быть. Бабушка рассказывала сказки, когда я был маленьким. Про духов гор, рек и домов. Только это же сказки.

— Не всегда, — тихо сказал Енчжу. — Иногда сказки основаны на реальности. И иногда... духи из этих сказок находят путь к нам, если мы им открываемся. Через гнев, обиду и желание.

Чхве смотрел на него немигающим взглядом.

— Вы думаете... я одержим? Духом?

— Я думаю, что это возможность, которую нужно рассмотреть.

— Доктор Ли, — сглотнул он. — Я сейчас поверю во что угодно. Если это правда... если я убил тех женщин, потому что был одержим... я виноват? Меня посадят?

Енчжу не мог ответить. Юридически — да, Чхве виноват. Закон не признавал одержимость.

Но морально...

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я попытаюсь помочь выяснить правду.

Чхве закрыл лицо руками и заплакал, всхлипывая, как ребенок.

— Я не хотел. Клянусь. Я не хотел никого убивать. Я просто... злился и обижался. Мне было больно. Но я бы никогда никого не убил! И теперь... теперь я монстр.

Енчжу встал, обошел стол, положил руку на плечо плачущего мужчины.

— Вы не монстр. Вы жертва, и вас использовали. Обещаю, мы остановим это.

Остановят ли?

Енчжу вышел из комнаты допросов через двадцать минут. Мингю ждал в коридоре с задумчивым лицом.

— Ну? — спросил детектив. — Твое мнение?

— Он говорит правду, — ответил Енчжу. — По крайней мере, ту правду, которую сам знает. У него действительно диссоциативные эпизоды и провалы в памяти. Совпадают с убийствами.

— Значит, он убийца.

— Он совершал убийства, — осторожно поправил Енчжу. — Но был ли он в сознании и контролировал ли действия — вопрос открытый.

— Енчжу, ты же не всерьез предлагаешь защиту невменяемостью?

— Я предлагаю психиатрическую экспертизу. Полную. МРТ мозга, психологические тесты и, возможно, гипноз. Есть что-то... нестандартное в этом деле.

Мингю вздохнул:

— Хорошо, я организую экспертизу. Енчжу, между нами... ты действительно думаешь, он одержим? Духом из сказки? Или это метафора?

Енчжу помолчал некоторое время, прежде чем ответить:

— Мингю, временами все не так просто, как кажется.

— Что ты имеешь в виду?

— Организуй экспертизу. Пожалуйста.

Уже на улице Енчжу достал телефон и открыл чат команды.

Енчжу: Говорил с Чхве Донмином. Он без сомнений носитель. Дух использовал его минимум пять раз. Собираемся вечером. У кого что есть?

Чжэонгу: Закончили в морге, нашли кое-что интересное. Расскажу вечером.

Джувон: Подтверждаю. То, что мы увидели... это не укладывается в голове.

Геджин: У меня тоже есть информация. В восемь вечера у меня дома. Не забывайте про...

Джувон: Пиво и креветки.

Геджин: И рисовые чипсики!

Енчжу посмотрел на часы, показывавшие два часа дня. Нужно было вернуться в больницу, навестить Миру и закончить рабочий день.

А потом узнать, что нашли остальные.

Глава 4

Енчжу вернулся в больницу к трем часам дня. Было душновато. Типичный июньский Сеул, когда влажность зашкаливает, а кондиционеры работают на полную мощность. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук и направился к палате Миры.

Она сидела у окна, обхватив колени руками. Ее мать рядом что-то вязала, периодически поглядывая на дочь. Увидев Енчжу, госпожа Хан встала, кивнула и тихо вышла, давая им приватность.

— Мира, — позвал Енчжу, садясь на стул напротив. — Как вы себя чувствуете?

Девушка медленно повернула голову. Руки по-прежнему закрывали рот, но в глазах... будто появилась тень спокойствия. Мира кивнула.

— Это хорошо. Я хотел бы продолжить нашу беседу, если вы не против. Только... если готовы.

Мира взяла с тумбочки блокнот и ручку, написав:

«Вы поймали его?»

Енчжу колебался. Как много стоит говорить?

— Мы нашли человека, который напал на другую девушку прошлой ночью тем же способом. Полиция считает, что это тот же человек, который напал на вас. Он сейчас под стражей.

Мира быстро написала:

«Он больше не придет?»

— Нет. Не придет. Вы в безопасности.

Плечи девушки чуть расслабились. Напряжение, которое держало ее последние дни, чуть отпустило.

«Почему он отпустил меня? Почему не убил, как других?»

Вопрос, который мучил и самого Енчжу.

— Не знаю, — честно ответил он. — Возможно, что-то его остановило. Может, он испугался. Может, услышал кого-то. Важно то, что вы живы.

Мира кивнула, но во взгляде читалось сомнение. Она снова взялась за ручку.

«Я видела его лицо. Могу описать».

Енчжу выпрямился:

— Это очень важно. Но не сейчас, хорошо? Сначала вам нужно восстановиться. Через пару дней, когда будете готовы, придет художник-портретист из полиции. Поможет составить фоторобот.

«Хорошо».

— Мира, можно задам один вопрос? Только один, обещаю.

Кивок.

— Вы написали, что он пах рыбой. Сильно? Как будто работал с рыбой?

«Да. Очень сильно. И руки были в чешуе. Я видела, когда он... когда брал иглу».

Чешуя на руках. Вот как. Значит, не просто доставка рыбы или продажа. Непосредственная работа — разделка и обработка.

— Спасибо. Вы очень помогаете следствию. Отдыхайте.

Мира подумала и написала напоследок:

«Спасибо, доктор, что спасли ту девушку».

Енчжу замер. Откуда она узнала?

— Откуда...

«Новости. По телевизору. Сказали, что неизвестные спасли женщину от нападения под мостом. Это же были вы?»

Енчжу явно не ждал, что девушка построит такую логическую цепочку.

— Мы... я просто оказался рядом в нужное время.

Мира опустила руки ото рта... впервые с утра и улыбнулась. Слабо, но искренне.

— Спасибо, — хрипло прошептала она, после долгого молчания это явно далось не просто.

Горло Енчжу словно сжали невидимой рукой. Он кивнул, понимая, что не сможет ничего сказать, и вышел из палаты.

В коридоре он прислонился к стене, закрыв глаза. Ребра ныли, голова болела, однако внутри было тепло.

Они спасли одну жизнь прошлой ночью. И, может быть, спасут еще.

К вечеру Енчжу подъехал к дому Геджина. Старый шаман так и жил здесь один (не считая Пек-Пека), но дом был достаточно большим, чтобы вместить библиотеку, ритуальную комнату и гостиную, где они обычно собирались. Чего, кстати, они не заметили. Первый визит к Чо Геджину запомнился сумбурно и сумасшедше.

Енчжу нес пакет с пивом, креветками и рисовыми чипсами. Геджин был категоричен насчет угощений на встречах команды.

Пек-Пек встретил его у ворот, гордо расхаживая по дорожке. Увидев Енчжу, петух подбежал и ткнулся клювом в пакет.

— Это не для тебя, — строго сказал Енчжу. — Геджин-сонсэнним сказал, что тебе креветки нельзя. Холестерин.

Пек-Пек возмущенно закудахтал.

— Не смотри на меня так. Я просто следую указаниям.

Петух фыркнул (насколько петух может фыркнуть) и важно прошествовал к дому, явно оскорбленный в лучших чувствах.

Внутри уже все собрались. Геджин сидел за низким столом в гостиной, перед ним лежали какие-то раскрытые книги и свитки. Джувон и Чжону устроились на подушках, пили холодный ячменный чай.

— Наконец-то, — поднял взгляд Геджин. — Думал, ты решил сбежать от нас.

— Был у Миры, — спокойно ответил Енчжу, снимая туфли у входа. — Она заговорила первый раз с момента нападения.

— Это хорошо, — кивнул шаман. — Значит, восстанавливается. Садись, рассказывай про Чхе Донмина.

Енчжу устроился на подушках, открыл пиво и сделал большой глоток. Холодное пиво после жаркого дня — блаженство.

— Чхе Донмину сорок два года, работает грузчиком на рынке Норянджин. Разведен, живет один. Глубокая обида на женщин, особенно на бывшую жену. Традиционалистские взгляды на гендерные роли, считает, что женщины должны молчать и подчиняться. — Енчжу листал записи в блокноте, которые сделал после беседы. — Провалы в памяти последние два месяца, которые совпадают с датами убийств. Слышал голос в голове, который говорил о необходимости заставить женщин замолчать.

— Классический носитель, — пробормотал Геджин, хрустя чипсами. — Дух нашел идеальный сосуд.

— Более того, — продолжил Енчжу, — он работает с рыбой. То есть... непосредственно. Мира сказала, что у него на руках была чешуя.

— Рыбный рынок Норянджин, — задумчиво повторил Чжону. — Это крупнейший рынок морепродуктов в Сеуле. Там же работают сотни людей.

— Но не все грузчики среднего возраста с обидой на женщин, — возразил Енчжу. — Полиция проверит его рабочее место, коллег. Может, найдут зацепки.

Джувон вдруг выпрямился и произнес:

— А что, если дело не только в Чхве? Что, если дух может перейти к кому-то еще на том же рынке? Место, где постоянно воняет рыбой, тяжелый физический труд и много мужчин с похожими взглядами...

Повисла тишина.

— Гнездо, — выдохнул Геджин. — Рынок может быть гнездом. Местом, где дух чувствует себя как дома, где легко находить новых носителей. Чем-то похоже на Емгоми.

— Тогда просто изгнать духа из Чхве Донмина недостаточно, — сказал Чжону. — Он выберет следующего.

— Именно, — кивнул Геджин. — Нужно найти источник и привязку духа. Я имею в виду то, что держит его в материальном мире. И у меня есть зацепка. — Он придвинул к себе одну из книг. — Я копался в архивах весь день. Народная сказка «Болтливая жена», как раньше заметили, имеет несколько версий, но самая старая запись датируется тысяча девятьсот двенадцатым годом. Сделал ее собиратель фольклора Ким Сончжу в деревне Янджу, провинция Кенгидо.

Геджин перевернул страницу, показывая копию рукописного текста на пожелтевшей бумаге.

— Но есть пометка на полях, видите? — Он ткнул пальцем в мелкие иероглифы сбоку. — «Эта история — не сказка. Это реальное событие, что произошло в 1875 году. Мужчина по имени Ли Гванджин убил свою жену Юн Менсун, зашив ей рот красной нитью, потому что она рассказала соседям про его измену. Перед смертью женщина прокляла его. Ли Гванджин сошел с ума через месяц, утопился в колодце, после чего вода там стала соленой».

Енчжу почувствовал, как становится нехорошо.

— Значит, дух — это реальный призрак убийцы девятнадцатого века?

— Похоже на то, — кивнул Геджин. — Если пометка верна, он утопился в колодце. Колодцы часто становятся якорями для духов и порталами между мирами. Особенно если в них умирал насильственной смертью.

— Как с Юнхи, — прошептал Джувон.

— Угу.

— Но это было в деревне Янджу, — сказал Чжону. — Сейчас там, наверное, ничего не осталось. Полтора века прошло.

— Не факт, — сказал Геджин и достал другую книгу, на этот раз современную, по истории провинции Кенгидо. — Янджу существует до сих пор. Небольшой город в пригороде Сеула. И там есть музей народного быта, основанный в восьмидесятых годах прошлого века. Угадайте, что входит в экспозицию?

— Дом Ли Гванджина? — предположил Джувон.

— Именно. Традиционный ханок конца девятнадцатого века, принадлежавший семье Ли. Сохранился как образец архитектуры того времени. Цитирую путеводитель... сейчас... — Геджин надел очки. — «В подвале дома находится старинный колодец, запечатанный по просьбе местных жителей из-за суеверий».

— Вот он, — прошептал Енчжу. — Якорь.

— Почти наверняка так и есть, — согласился Геджин. — Дух привязан к колодцу. Когда Чхве Донмин каким-то образом активировал связь, может, прочитал что-то, может, просто был в нужном месте в нужное время с нужными эмоциями — дух смог проявиться.

— Тогда план простой, — сказал Чжону. — Едем в Янджу, находим колодец, проводим ритуал изгнания и уничтожаем якорь.

— Не так просто, — хмыкнул Геджин. — Музей — это общественное место. Днем там туристы да охрана, а ночью закрыто и сигнализация. Никто не ждет нас с распростертыми объятиями. Нужно использовать навыки ниндзя.

— Или получить разрешение, — предложил Енчжу. — Сказать, что мы исследователи фольклора и хотим изучить колодец.

— Слишком долго, — нахмурившись, возразил Джувон. — Бюрократия, разрешения... Пока мы будем ждать, дух найдет нового носителя.

— Тогда ночью, — решительно сказал Геджин. — Завтра ночью. Я, Джувон и Енчжу. Чжону, ты остаешься на связи, готовься приехать, если что-то пойдет не так.

— Почему я не еду? — озадачился хирург.

— Потому что у тебя руки золотые, и ты нам нужен живым и здоровым, — усмехнулся старый шаман. — Вдруг кого из нас надо будет собраться из кусочков? Птенец, не зыркай на меня так, не прокатит. Так вот, лазить по музеям ночью — риск быть арестованным за взлом. Я старый и отбрешусь. Джувон хорошо бегаёт, у Енчжу рука тяжелая. А ты — уважаемый хирург из элитной клиники, скандал тебе ни к чему.

Чжону хотел возразить, но промолчал. Логика была... э, железной. Скандал не нужен тут никому.

— Хорошо. Но я буду на телефоне, как только понадобится помощь — сразу еду.

— Договорились, — умилился Геджин. — Заодно покормишь Пек-Пека после нашего отъезда.

Енчжу достал телефон, открыв карту.

— Янджу в часе езды от Сеула. Музей работает до шести вечера. Значит, приезжаем около полуночи, когда все точно закрыто и охрана, если есть, уже дремлет.

— Оружие, инструменты, талисманы, — перечислял Геджин. — Мне нужно подготовить специальный ритуал изгнания, потому что ля духа, привязанного к месту убийства, обычные методы могут не сработать.

— А что нужно для ритуала? — спросил Джувон.

— Личный предмет духа при жизни. Что-то, что принадлежало Ли Гванджину. — Геджин потер подбородок. — В музее должны быть артефакты семьи Ли. Надо найти что-то подходящее.

— Игла, — вдруг сказал Енчжу. — В архиве упоминалось, что он зашил рот жене. Значит, была игла. Может, она сохранилась? Как вещественное доказательство или семейная реликвия?

— Хорошая мысль, — одобрил Геджин. — Завтра днем кто-то должен съездить в музей как обычный посетитель. Осмотреться, найти экспозицию семьи Ли и узнать, где именно колодец.

— Я поеду, — вызвался Джувон. — У меня завтра выходной. Сделаю вид, что простой турист.

— Отлично. Фотографируй все, что покажется важным. Планировку, замки, камеры... телочек в мини-юбках.

— Учитель!

— Ой, все!

— Подождите, — прервал их Чжону. — А как мы вообще узнаем, что у нас получилось? Ну, что дух уничтожен?

— Почувствуем, — просто ответил Геджин. — Когда якорь разрушен, духовная энергия высвобождается. Это как... взрыв, само собой, энергетический. Джувон точно почувствует, у него дар сильный. Да и я тоже. Даже наш доктор психов, пожалуй, ощутит. Не смотри на меня так, Енчжу, у тебя медленно, но верно развивается чувствительность.

Енчжу кивнул. После истории с Емгоми он действительно начал замечать странные вещи: холод в определенных местах, тени, которых не должно быть, и странное ощущение чужого присутствия.

— Ладно, — хлопнул в ладоши Геджин. — Завтра Джувон едет на разведку и завтра ночью — операция, а сейчас... — Он потянулся к креветкам. — Сейчас ужин, ибо неизвестно, когда в следующий раз сможем спокойно поесть.

Креветки оказались отличными — свежими с острым соусом. Рисовые чипсы бодро хрустели, а пиво было идеально пенным и чуть горьковатым.

— Кстати, — сказал Джувон, прожевав креветку, — а что насчет Чхве Донмина? Когда мы уничтожим духа, он... выздоровеет?

Енчжу задумался и произнес:

— Зависит от степени одержимости. Если дух полностью контролировал его во время убийств, то да, после изгнания Чхве Донмин вернется к норме. Провалы в памяти прекратятся, однако психологические травмы останутся. В том числе, осознание того, что твоё тело использовали для убийств. Это потребует серьезной терапии.

— Он пойдет под суд? — спросил Чжону.

— Скорее всего, — кивнул Енчжу. — Полиция не признает одержимость смягчающим обстоятельством. Но психиатрическая экспертиза может показать диссоциативное расстройство и невменяемость в моменты преступлений. Тогда не тюрьма, а принудительное лечение.

— Справедливо ли это? — тихо спросил Джувон. — Он ведь жертва.

— Жертва, которая убила пятерых женщин, — жестко ответил Геджин. — Да, его использовали. Только его обида и гнев на женщин были вполне настоящими. Дух только усилил то, что уже было внутри. Чхве Донмин не невинная овечка. Не факт, что без духа он был не дошел до кондиции.

— Тогда кто виноват? — не унимался Джувон. — Дух? Чхве Донмин? Общество, которое воспитало его с такими взглядами?

— Все понемногу, — ответил Енчжу. — Мир не черно-белый, Джувон. Есть жертвы и палачи, но часто одни и те же люди бывают и теми, и другими.

Никто не возражал.

— Философия на ночь — плохая идея, — пробурчал Геджин, наливая себе еще пива. — Давайте лучше обсудим, что берем с собой завтра.

Они провели следующий час, составляя список. Освященные ножи, талисманы, веревка (вдруг понадобится спускаться в колодец), фонари, аптечка, соль (для защитных кругов) и ритуальные свечи.

— Как будто на войну собираемся, — хмыкнул Чжону, глядя на список.

— Мы и есть на войне, — серьезно ответил Геджин. — Войне с тем, что большинство людей даже не видят. С духами, демонами и проклятиями. Мы — солдаты на невидимом фронте.

— Громко сказано, — усмехнулся Енчжу.

— Но правдиво, — пожал плечами тот.

К одиннадцати вечера начали расходиться. Джувон и Чжону уехали первыми. Енчжу задержался, помогая Геджину убрать.

— Вы уверены, что справимся? — спросил он, складывая пустые бутылки в пакет.

Геджин мыл тарелки. Ответил, даже не оборачиваясь:

— Ну, какая уверенность, птенец? Этот дух старый, сильный и ужасно вьедливый. Он убивал больше века. Сначала убил свою жену, потом... наверное, потом и других, пока был жив. А после смерти продолжил через носителей. Сколько жертв за полтора столетия? Десятки? Сотни?

— Не самая воодушевляющая речь.

— Я и не воодушевляю. Я говорю правду. — Геджин наконец к нему повернулся. — Енчжу, завтра может быть опасно. Даже очень опасно. Если что-то пойдет не так, то... беги. Не пытайся играть в героя, а просто хватай за шкуру Джувона и беги.

— А как же вы?

— Я уже стар, прожил достаточно. Это вы молодые, у вас вся жизнь впереди.

— Геджин-сонсэнним...

— Обещай, — с нажимом сказал старый шаман. — Обещай, Енчжу. Если я скажу бежать, ты побежишь.

Енчжу смотрел в его глаза и видел в них решимость. А еще страх. Только страх не за себя, а за них с Джувоним... его птенцов.

— Обещаю, — тихо сказал он.

— Вот и славненько. Так, мы закончили. Можешь езжать домой. Девочек не снимай, а то потом уставший будешь, а нам идти на дело.

Енчжу хмыкнул, покачал головой и... согласился. На дело идти уставшим действительно нельзя.

Прощавшись с Геджином, он покинул дом и медленно пошел к своей машине. Рек-Пек уже спал, поэтому удалось пройти спокойно и без риска, что клюнут в самое неожиданное место.

Ночь была душной и влажной. Громадная белая луна казалась раскаленным диском на черном бархате неба.

Посмотрев на нее, Енчжу сделал глубокий вдох.

Завтра. Все произойдет завтра.

Глава 5

Джувон приехал в Янджу около полудня. Солнце палило нещадно, асфальт плавился, а воздух дрожал от жары. Он вышел из автобуса в легкой футболке и шортах, на плече висела холщовая сумка с фотоаппаратом.

Идеальный образ туриста, интересующегося культурным наследием.

Музей народного быта находился на окраине городка, в тихом районе со старыми деревьями и традиционными домами. Небольшая вывеска на корейском и английском: «Музей традиционной культуры Янджу. Открыт с 9:00 до 18:00».

Джувон купил билет у сонной девушки на кассе, отдав три тысячи вон и прошел внутрь.

Музей оказался больше, чем он ожидал. Главное здание было современным, но стилизованным под ханок. Внутри находились экспозиции традиционной одежды, посуды и инструментов. Несколько групп школьников слушали экскурсоводов. Пара иностранных туристов фотографировала керамику. Но Джувону нужно было не это.

Он прошел через главный зал, следуя указателям: «Традиционные жилища. Дом семьи Ли. XVIII-XIX век».

За основным зданием располагался внутренний дворик, а в нем уже настоящий ханок. Традиционный корейский дом с изогнутой черепичной крышей, деревянными балками и бумажными окнами ханчжи. Небольшая табличка рядом гласила: «Дом семьи Ли, построен в 1860 году в деревне Янджу. Принадлежал местному торговцу Ли Тэсону и его потомкам. Перенесен в музей в 1983 году и отреставрирован. Образец традиционной архитектуры позднего периода Чосон».

Джувон сначала сфотографировал табличку, а потом сам дом. Обошел вокруг, снимая с разных углов. Вход был открыт — всего лишь деревянная дверь и никаких замков в дневное время.

Внутри дома был воссоздан быт той эпохи. Низкий стол, подушки для сидения и традиционная посуда на полках. В углу расположилось спальное место с тонким матрасом йо. Все чистое, музейное и совершенно мертвое.

Однако Джувону нужен был подвал.

Он осмотрелся. Так, никого нет рядом. Экскурсовод с группой школьников находился в другом конце территории. Охранник дремал у входа в главное здание.

Джувон прошел вглубь дома через заднюю комнату. Здесь была кухня. Та-а-к... традиционный очаг, котлы и деревянная утварь. В углу почти незаметный люк в полу.

Сердце забилось быстрее.

Он присел, осторожно потянул за железное кольцо. Люк поддался, открывшись с тихим скрипом. Внизу обнаружилась деревянная лестница, уходящая в темноту. Тут же появился запах сырости, плесени и чего-то затхлого.

Джувон включил фонарик на телефоне и быстро спустился.

Подвал оказался небольшим. Где-то метров пять на пять. Земляной пол да каменные стены. В углу стояли деревянные ящики, на которых были старые глиняные кувшины для кимчи. С низкого потолка свисала паутина.

А вот посреди подвала... колодец.

Круглая каменная кладка, метр в диаметре — не больше. Сверху лежали толстые деревянные доски, старательно прибитые гвоздями. На досках лежали выцветшие бумажные талисманы с иероглифами-печатами.

То есть колодец уже запечатан. Просто так бы никто талисманы не положил.

Джувон подошел ближе и присел. Между досок виднелась непроглядная темнота. Он посветил фонариком вниз, но ничего не смог разглядеть. Луч уходил в черноту, не достигая дна.

Внезапно его обдало волной ледяного воздуха, хотя на улице было под тридцать градусов. Джувон вздрогнул и попятился, потому что... в колодце что-то было. Старое, злое, ждущее.

Прикрыл глаза, чтобы подключить духовное зрение, и... увидел.

Колодец светился. Точнее, как бы это сказать... излучал тьму. Она сочилась между досками, стелилась по полу подвала и тянулась к стенам.

Похоже ли на тот самый якорь, о котором говорил Геджин? Определенно!

Джувон быстро сделал несколько фотографий: колодец, доски, талисманы и общий вид подвала, лестницу. После чего развернулся и поспешил наверх. Вынырнув в кухню, он быстро закрыл люк. Руки мерзко дрожали. Холод все еще сидел в костях, хотя июньская жара никуда не делась.

— Молодой человек! Вам нельзя туда! — раздался строгий женский голос.

Джувон обернулся. В дверях стояла пожилая женщина в форменной жилетке музейного сотрудника. Лет шестидесят, седые волосы собраны в пучок, очень внимательный взгляд.

— Простите. — Джувон изобразил смущение. — Я студент, изучаю традиционную архитектуру. Увидел люк, стало интересно...

— Подвал закрыт для посетителей, — отрезала женщина. — Там опасно. Старые доски, можно упасть.

— Понял, извините. Больше не буду.

Женщина долго смотрела на него, а потом вдруг спросила:

— Вы что-то почувствовали? Внизу?

Джувон замер:

— Что... что вы имеете в виду?

— Холод, — просто ответила она. — Все, кто спускаются в подвал, говорят о холоде. Ну и страхе, будто кто-то там есть.

— Вы... верите в это? В легенду, в смысле. Я прочитал ее перед тем, как прийти сюда.

Женщина усмехнулась:

— Я работаю здесь тридцать лет, молодой человек. Видела достаточно странного. Этот дом проклят, всегда был проклят. Мы пытались его освятить, приглашали шаманов и буддийских монахов. Но не помогает. Все они считали, что что-то живет в том колодце и никак не хочет уходить.

— Почему же не засыпали колодец? Не уничтожили? — спросил Джувон.

— Пытались. Сорок лет назад директор музея как раз распорядился засыпать, даже наняли рабочих, но... — Женщина покачала головой. — В первую же ночь двое рабочих попали в больницу с нервным срывом. Говорили, что слышали голоса из колодца, женский плач и мужской смех. Третий рабочий пропал на неделю, потом нашелся в лесу в пятидесяти километрах отсюда. Совсем не помнил, как туда попал.

Джувон понял, что все намного хуже, чем они думали.

— И что решили?

— Запечатали колодец заново. Повесили талисманы и закрыли подвал для посещений. В общем, договорились не трогать. Пусть спит, пока спит.

Джувон сглотнул.

— А если... если проснется?

Женщина странно посмотрела на него.

— Вы не просто студент-архитектор, верно? Вы из тех, кто... разбирается с этим?

Джувон не знал, что ответить. Врать было бесполезно — женщина явно видела больше, чем показывала.

— Возможно, — осторожно сказал он.

— Тогда слушайте внимательно, — понизила она голос. — Три дня назад в ночь на понедельник охранник слышал звуки из подвала. Скрежет, будто кто-то царапает доски изнутри. Он спустился проверить, а вернулся бледный, весь трясется. Сказал, что видел, как одна из досок приподнялась сама собой. Несколько секунд провисела в воздухе, а потом упала обратно.

По спине Джувона пробежали мурашки.

— Что-то пытается выбраться, — прошептал он.

— Да. И я боюсь, скоро у него получится. — Женщина достала из кармана потертую визитку и протянула Джувону. — Если вы действительно можете помочь... сделайте, что можете. Я не хочу, чтобы это существо вырвалось на свободу, и не хочу новых жертв.

Джувон взял визитку. «Им Мичжин, старший хранитель музея».

— Мы... попробуем, — сказал он. — Однако не могу дать гарантию.

— Этого достаточно, — сказала Кан Мичжин. — Приходите ночью, если нужно. Я оставляю боковую дверь открытой. Ту, что ведет в служебные помещения, восточная сторона здания, и замок будет снят.

— Почему вы помогаете?

— Потому что я видела сны, — тихо ответила она. — Последнюю неделю были совершенно одинаковые сны. Женщина с зашитым ртом стоит у колодца и плачет. Потом она показывает на меня и трясет головой, как будто предупреждает. «Убегай, пока не поздно», — будто говорит она.

Кан Мичжин помолчала, но как только Джувон хотел ее подстегнуть, продолжила:

— Я думаю, это жена того человека, то есть Юн Менсун. Она не хочет, чтобы ее муж снова начал убивать, поэтому предупреждает.

Джувон кивнул, пряча визитку в карман шорт.

— Спасибо, госпожа Кан. Мы... я и мои коллеги придем сегодня ночью.

— Будьте осторожны. И... — Женщина замаялась, — если сможете, освободите Юн Менсун. Она страдает там полтора века, я думаю, что заслужила покой.

— Постараемся.

Джувон вышел из дома, прошел через территорию музея к выходу. Солнце слепило, жара давила голову, но внутри сидел холод из подвала.

Парень сел на скамейку на автобусной остановке, достал телефон и открыл чат команды.

«Разведка завершена. Нашел колодец. Сильная энергия, определенно там наш дух. Мы получили помощь от хранителя музея, и вход будет открыт. При этом имеется проблема».

Геджин: Какая?

Джувон: Дух активизируется и пытается вырваться. Может, уже сегодня ночью. Нужно действовать немедленно.

Чжону: Значит, поездка сегодня. Во сколько?

Геджин: Полночь. Встречаемся у музея в 23:45. Джувон, скинь координаты и фотографии.

Джувон отправил геолокацию и все сделанные снимки. Колодец, подвал и планировку дома.

Енчжу: Я предупредил своих в больнице, что беру незапланированный выходной. Буду свободен.

Геджин: Отлично. Готовлю ритуал. Чжону, ты на связи, как договаривались.

Чжону: Понял. Держу телефон рядом.

Джувон убрал телефон и посмотрел на музей вдалеке. Традиционные крыши, мирный вид и туристы, что фотографируются у входа.

Никто из них не знал, что под землей в запечатанном колодце, просыпается кошмар полуторавековой давности.

Енчжу провел остаток дня, готовясь к поездке. Проверил свою аптечку: бинты, антисептик, обезболивающие. Сложил в рюкзак сменную одежду, воду и энергетические батончики. Зарядил телефон, подумал и добавил пауэрбанк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.